СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXIX, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1881 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

А. Н. Веселовскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1882 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1881 годъ,

составленный академикомъ А. Н. Веселовскимъ,

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 года.

Дѣятельность 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ истекающемъ году опредѣлялась тѣми-же задачами изученія русскаго языка и словесности, которымъ оно всегда старалось удовлетворить по мѣрѣ наличныхъ силъ и въ границахъ спеціальныхъ занятій своихъ членовъ.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Макарій издалъ X-й томъ составляемой имъ Исторіи Русской церкви и напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько проповѣдей, въ томъ числѣ двѣ рѣчи Государю Императору при посѣщеніи Его Величествомъ Успенскаго собора въ Москвѣ и Троице-Сергіевской Лавры.

Академикъ Я. К. Гротъ печаталъ послѣдній, IX-й томъ изданія Державина, въ который, кромѣ дополненій къ предъидущимъ томамъ, войдутъ: полная библіографія литературы, касающейся этого писателя; статья о языкѣ его съ приложеніемъ лексическаго указателя къ его стихотвореніямъ; списокъ его портретовъ и бюстовъ; ноты къ нѣкоторымъ изъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку, и, наконецъ, именной и предметный указатель ко всему изданію.—Въ настоящее время

отпечатано около 30 листовъ; томъ выйдетъ въ наступающемъ году, и такимъ образомъ завершенъ будетъ многолѣтній трудъ, который надолго останется образцовымъ въ смыслѣ критическаго изданія и объясненія русскаго классика.

Послѣднія работы надъ изданіемъ Державина не помѣшали нашему сочлену удѣлить время и другимъ изысканіямъ. Такъ имъ написанъ и отчасти прочтенъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія очеркъ біографіи жившаго въ XVIII-мъ столѣтіи академика Лаксмана, составленный по книгѣ Лагуса, изданной на шведскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ; предпринятое академикомъ Гротомъ печатаніе сочиненій и переписки Плетнева продолжалось имъ и въ этомъ году и дало матерьялъ для статьи о перепискѣ Плетнева съ Пушкинымъ; въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаво Общества издано было нѣсколько писемъ Дидрò къ Екатеринѣ II, отысканныхъ академикомъ въ Государственномъ Архивѣ; онъ же, разсмотрѣвъ всѣ четыре тома сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошича, составилъ о томъ записку, читанную имъ въ одномъ изъ засѣданіи Отдѣленія, и написалъ разборъ представленнаго на Ломоносовскую премію г. Подвысоцкимъ Словаря Архангельскаго нарѣчія.—Лѣтомъ этого года академикъ Гротъ участвовалъ по порученію Академіи въ бывшемъ въ Тифлисѣ V-мъ археологическомъ съѣздѣ.

Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ работать надъ своимъ иконографическимъ трудомъ по славяно-русскому лицевому Апокалипсису и составилъ изслѣдованіе о рукописной Псалтыри Троицкой Лавры, XV вѣка, изданное Обществомъ любителей древней писменности. Къ изданію приложены снимки разнообразнаго письма и украшеній, расписанныхъ красками и золотомъ; особаго вниманія заслуживаютъ заглавныя буквы и заставки, составленныя только изъ зеленой листвы, съ оттушеванными тѣнями: единственное явленіе въ исторіи славяно-русскаго орнамента, свидѣтельствующее о первыхъ попыткахъ къ свободному воспроизведенію натуры, не стѣсняемому уже услов-

ными пріемами традиціоннаго стиля, господствующаго въ украшеніяхъ нашихъ рукописей XV вѣка.

Академикъ А. Ф. Бычковъ въ теченіе 1881 года напечаталъ, при отчетѣ о дѣятельности отдѣленія Русскаго языка и словесности въ 1880 году, очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ покойнаго академика И. И. Срезневскаго, съ приложеніемъ списка всѣхъ его сочиненій. Онъ-же окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ предпринятаго имъ описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки, которымъ заключается первый томъ этого труда. Въ настоящемъ выпускѣ подробно описаны 23 сборника (XVI—XVIII вв.), въ которыхъ академикомъ Бычковымъ открыто нѣсколько бывшихъ доселѣ неизвѣстными памятниковъ, каковы напр.: два посланія протопопа Благовѣщенскаго собора Терентія къ Лжедимитрію; посланіе молдавскаго епископа Василія къ московскому митрополиту Геронтію, отъ 2 февраля 1484 года, по поводу возбужденнаго въ Москвѣ вопроса о хожденіи посолонь; новая редакція апокрифическаго сказанія о сотвореніи Адама, сверженіи Сатанаила съ неба и изгнаніи Адама изъ рая; любопытное своими особенностями и разговорною формою, повѣствованіе о царствованіи Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова и Лжедимитрія; окончаніе письма царя Алексѣя Михайловича къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, рисующее дружескія къ нему отношенія Государя, и нѣк. друг. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ приведены болѣе или менѣе значительныя выдержки, а изъ другихъ много разночтеній къ напечатаннымъ текстамъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія читана имъ записка о хранящемся въ Рижской городской библіотекѣ отрывкѣ Слова, несомнѣнно принадлежащемъ къ XI вѣку.

Продолжая занятія по собранію писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго и желая сдѣлать его по возможности полнымъ, академикъ Бычковъ обратилъ вниманіе на сохранившіяся отвѣтныя письма разныхъ лицъ къ Государю, въ которыхъ находятся положительныя указанія на время написанія

имъ отправленныхъ къ нимъ писемъ. Разсмотрѣніе этихъ отвѣтовъ вновь подтвердило предположеніе, что значительное число писемъ преобразователя Россіи къ разнымъ лицамъ утрачено. Въ виду того, что въ этихъ отвѣтахъ нерѣдко излагается довольно подробно содержаніе писемъ Государя, академикъ Бычковъ приступилъ, на сколько это возможно, къ ихъ собранію и перепискѣ для I-го тома, печатаніе котораго уже началось.

Кромѣ того онъ занимался редакціею новаго изданія труда И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка», для котораго доставлено имъ нѣсколько дополненій.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ продожалъ въ теченіе отчетнаго года работы свои по Исторіи Россійской Академіи. Во введеніи къ этому труду, котораго вышло доселѣ пять томовъ, указана главная его задача и точка зрѣнія автора. Тамъ сказано: «Россійская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами, отъ Державина и Фонъ-Визина въ XVIII столѣтіи до Карамзина и Востокова въ XIX-мъ. Въ трудахъ и во всей дѣятельности Академіи выражается современное ей состояніе русской литературы и русскаго общества. Для исторіи Академіи важно не только то, что сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академической дѣятельности, но и то, какія лица вошли въ составъ Россійской Академіи, и какими началами руководствовалась она при оцѣнкѣ правъ того или другаго лица на званіе академика. Смотря на исторію Академіи, какъ на существенную часть исторіи русской литературы и просвѣщенія конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтій, авторъ представилъ рядъ монографій выдающихся членовъ Академіи. Въ V-мъ томѣ, вышедшемъ въ концѣ прошлаго года, помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ Болтина. Въ VI-й томъ войдетъ очеркъ жизни и дѣятельности Козодавлева. Часть этого тома сдана въ типографію.

Желая представить по возможности полныя характеристики, авторъ пользовался матеріалами, хранящимися въ различныхъ архивахъ, петербургскихъ и московскихъ: государственнымъ

архивомъ, сенатскимъ, московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, московскимъ архивомъ министерства юстиціи и т. д. Такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи получили свое образованіе за границей, преимущественно въ Лейпцигскомъ университетѣ, то М. И. Сухомлиновъ, во время пребыванія своего за границей, занимался въ библіотекѣ и архивѣ Лейпцигскаго университета. На основаніи собранныхъ тамъ матеріаловъ составленъ имъ очеркъ состоянія этого университета въ тѣ времена, когда учились въ немъ русскіе студенты. Очеркъ этотъ вошелъ въ ту часть труда, которая теперь печатается.

Въ одномъ изъ повременныхъ изданій М. И. Сухомлиновъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя». Здѣсь приводятся данныя, освѣщающія нѣкоторыя черты литературной дѣятельности знаменитаго писателя.

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ продолженіе своихъ Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха и первыя двѣ главы изслѣдованія о Южно-русскихъ былинахъ, имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, преимущественно былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла.

Труды академика И. В. Ягича распредѣлялись между руководимымъ имъ въ Берлинѣ журналомъ: Archiv für slavische Philologie и работами по Отдѣленію и по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій, занимаемой имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. На первыхъ-же порахъ его профессорской дѣятельности въ Россіи оказалось необходимымъ доставить желающимъ изучать церковно-славянскій языкъ пособіе, безъ котораго до тѣхъ поръ приходилось обходиться нашимъ славистамъ. Съ этою цѣлью ак. Ягичъ печатаетъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ. Текстъ уже отпечатанъ; теперь набирается, для приложенія къ этой книгѣ, словарь. — Занимаясь изученіемъ церковнославян-

скаго и древнеславянскаго языковъ по памятникамъ, И. В. Ягичъ вообще считаетъ необходимымъ предварительно провѣрить, насколько возможно, изданные до сихъ поръ тексты, такъ какъ правильные выводы о различныхъ звуковыхъ тонкостяхъ этихъ памятниковъ возможны лишь при ихъ вполнѣ точныхъ изданіяхъ. Съ этой цѣлью онъ прежде всего озаботился провѣркой доступныхъ ему здѣсь, уже напечатанныхъ текстовъ, но въ то-же время онъ имѣетъ въ виду также изданіе еще остающихся въ рукописяхъ, отличающихся древностью. На первой очереди стоитъ изданіе глаголическаго четвероевангелія изъ собранія покойнаго В. И. Григоровича. Оно уже приготовлено къ печати въ такомъ же видѣ, какъ Зографское евангеліе, по списку, сдѣланному съ подлинника; во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, ак. Ягичу удалось списать недостающіе въ означенной рукописи два листа этого памятника, находящіеся у Миклошича.

Сверхъ того академикъ Ягичъ печатаетъ свои «Чтенія о церковнославянскомъ языкѣ», которыя должны составить два тома: первый занимается фонетикой, второй будетъ посвященъ формамъ языка.

Значеніе Архива славянской филологіи, которымъ руководитъ нашъ сочленъ и въ которомъ онъ-же является главнымъ вкладчикомъ по различнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія—хорошо извѣстно. Пока ни одно изъ славянскихъ нарѣчій не доработалось путемъ внутренняго культурнаго роста до значенія общепринятаго, полезно, чтобы общеніе между ними выражалось на одномъ изъ языковъ, господствующихъ въ наукѣ. Но это—лишь одна сторона дѣла; другая открывается въ несомнѣнной пользѣ единенія славянской и западно-европейской науки, возможной лишь при обоюдномъ пониманіи. Я припоминаю недавнее заявленіе Макса Мюллера о языкахъ, имѣющихъ историческое право быть органами международной мысли; ни одного славянскаго между ними не находится, какъ нѣтъ напр. ни датскаго, ни испанскаго. Между тѣмъ славянскій изслѣдователь нерѣдко

касается вопросовъ метода и общихъ научныхъ положеній, имѣющихъ готовую литературу на западѣ, стало-быть, готовые моменты для критики, которыхъ не находитъ у себя дома, тогда какъ крѣпость научной гипотезы всегда измѣряется силой направленныхъ противъ нея критическихъ ударовъ. Не менѣе существенна, въ обще-научномъ смыслѣ, и возможность обратнаго воздѣйствія—славянской науки на западную. Южно-славянское и древне-русское развитіе поставлены были въ образовательныя условія во многомъ отличныя отъ тѣхъ, которыя обусловили историческій ростъ германо-романскаго запада. Эти условія намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ западному ученому; здѣсь, при научной постановкѣ дѣла, мы въ свою очередь можемъ быть вкладчиками въ познаніе греко-славянскаго міра,—этой политической, не культурной фикціи,— изученію котораго посвящаетъ себя, отчасти углубляя свою программу, и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. На такое углубленіе указываетъ уже мѣсто, отведенное въ работахъ Отдѣленія славистикѣ. Упомянемъ въ этой связи изданія Литовскихъ пѣсенъ Юшкевича и Сборника болгарскихъ пѣсенъ Качановскаго, предпринятыя въ этомъ году. Теоретически—эта программа могла-бы быть поставлена и еще шире, разумѣется, при иной организаціи Отдѣленія и усиленіи его наличныхъ рабочихъ силъ. Византійскія отношенія южнославянскихъ и древне-русской литературъ и, отчасти, русской народной словесности, могли-бы явиться столь-же плодотворной задачей для изслѣдователя-спеціалиста, какъ и вопросъ о значеніи византійскаго элемента вообще, до сихъ поръ остающійся у насъ вопросомъ вѣры или отрицанія на знамени той или другой литературной школы.

Изъ изданій, оконченныхъ въ текущемъ году, читатель, интересующійся судьбами русскаго просвѣщенія, несомнѣнно отмѣтитъ «Русскія народныя картинки» Д. А. Ровинскаго, занимающія *пять* (съ 23-го по 27-го) томовъ Сборника Отдѣленія.

Результатъ продолжительнаго труда, это изданіе является цѣннымъ вкладомъ не только въ исторію искусства на Руси, но и въ исторію литературныхъ и общественныхъ идей. Г. Ровинскій занимался собираніемъ лубочныхъ картинокъ въ теченіе 30-ти лѣтъ; его собственная коллекція, равно какъ коллекціи другихъ любителей и общественныхъ учрежденій, дали ему матеріалъ для великолѣпнаго атласа, предлагающаго въ трехъ томахъ художественныя воспроизведенія сказокъ, забавныхъ, историческихъ и духовныхъ листовъ. Первые четыре тома труда г. Ровинскаго, изданнаго нашимъ Отдѣленіемъ, даютъ обстоятельное описаніе и объясненіе картинокъ, помѣщенныхъ въ атласѣ, при чемъ воспроизводятся и древнѣйшіе тексты, сопровождающіе ихъ въ лубкахъ, съ соблюденіемъ ороографіи подлинника и отличіями позднѣйшихъ изданій. — Большая часть пятаго тома этого изданія, который, вѣроятно, прочтется предпочтительно передъ всѣми другими, занята предисловіемъ, обобщеніемъ выводовъ, полученныхъ изъ разбора народныхъ картинокъ и скрѣпленныхъ массой сходныхъ данныхъ, указывающихъ на замѣчательную начитанность автора. Стоитъ только пробѣжать заглавіе отдѣловъ, на которые распадается предисловіе, чтобы убѣдиться въ его высокомъ интересѣ для историка отечественнаго просвѣщенія. Такъ пятый отдѣлъ озаглавленъ: Женщина по взглядамъ Пчелы. Женитьба; слѣдующія главы говорятъ: объ ученіи въ старые годы, о календаряхъ и альманахахъ; о народныхъ увеселеніяхъ, пьянствѣ и т. п., шутовствѣ и шутахъ, о шутовскихъ листахъ на иностранцевъ, о каррикатурахъ на французовъ въ 1812 году, о народномъ богомольѣ и, наконецъ, о картинкахъ, изданныхъ по распоряженію правительства.

Заглавіе: «Русскія народныя картинки» не введетъ въ заблужденіе никого, кто ознакомится хотя бы только съ предисловіемъ г. Ровинскаго. Въ сущности народнаго, т. е. вышедшаго изъ народа, въ нихъ крайне мало, за исключеніемъ немногихъ сказокъ, попавшихъ въ лубки, и то въ охорошенномъ видѣ. Все остальное содержаніе народныхъ картинокъ принадлежитъ къ исторіи «воздѣй-

ствія» на народъ, болѣе или менѣе глубоко, иногда вовсе не проникнувшаго въ его сознаніе; воздѣйствія духовнаго, литературнаго и политическаго. Первое представляется цѣлой группой «духовныхъ листовъ»; второе гораздо разнообразнѣе и по источникамъ и по свободному народному претворенію, которому подвергались картинки этого типа: никто съ перваго раза не узнаетъ въ «славномъ объѣдалѣ и веселомъ опивалѣ» картинку, занесенную къ намъ изъ Франціи и изображавшую Людовика XVI, а древнюю смѣхотворную повѣсть объ Аристотелѣ и Филлидѣ — въ лубкѣ Петровскаго времени: нѣмка въ турецкомъ костюмѣ сидитъ верхомъ на бородатомъ старикѣ; у ней въ рукахъ кувшинъ съ пивомъ и штофъ съ виномъ; это—«нѣмка посулила старику пива, да съ ногъ его сбила».—Народъ шелъ еще далѣе въ своемъ пріуроченіи: всѣ эти захожіе Бовы и Людовики явились ему *богатырями*; такъ называютъ въ Осташковѣ лубочныя картинки, подъ этимъ названіемъ знавалъ ихъ и Державинъ, когда говоритъ, что въ молодости своей покупалъ богатырей, что печатались въ Москвѣ, и раскрашивалъ ихъ.

Интереснѣе исторія правительственнаго воздѣйствія на народныя картинки, то сдерживавшіяся, то поощрявшіяся, особливо въ области сатиры, которую Петръ Великій запрещалъ подъ угрозой «злѣйшихъ истязаній», хотя самъ прибѣгалъ къ ней съ цѣлью пропаганды своихъ преобразовательныхъ начинаній. Картинка «Раскольникъ и цирюльникъ» издана по его желанію, съ цѣлью поглумиться надъ раскольничьимъ культомъ бороды. По смерти крутаго преобразователя сатира вздохнула свободнѣе: «небылица въ лицахъ, найденная въ старыхъ свѣтлицахъ, обрѣтенная въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ», помѣчена въ самыхъ древнихъ изданіяхъ этой картинки годомъ, мѣсяцемъ, днемъ и часомъ смерти Петра Великаго.

И далѣе продолжается въ исторіи народной картинки тоже чередованіе правительственной роли, то возбуждающей, то задерживающей. Первая сказалась въ картинкѣ Екатерининскаго

времени: «Польза оспопрививанія», въ группѣ каррикатуръ, вызванныхъ событіями 1812 года; но рядомъ идутъ и другія мѣры: уже указъ 1614 года воспрещалъ продажу лубковъ; попытки ихъ цензурной регламентаціи привели наконецъ къ Высочайшему указу 1850 года, въ исполненіе котораго «московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія, и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго. Въ исполненіе этаго приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ при участіи полиціи въ куски и продали въ ломъ въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе безцензурное народное балагурство», заключаетъ г. Ровинскій.

И такъ «народность» лубочной картинки касается собственно того, что назначено было *обращаться* въ народѣ, при случаѣ — и повліять на него. Эта точка зрѣнія важна для возможныхъ выводовъ: кривлявое ухарство Ростопчинской афиши нельзя будетъ вмѣнить русскому крестьянину 1812 года, какъ задоръ солдатской пѣсни не есть необходимо задоръ народный. Нѣсколько народныхъ картинокъ заимствовали свой текстъ и его соотвѣтствующія изображенія изъ древнихъ аскетическихъ поученій противъ женъ. «Конечно, проповѣдное озлобленіе Пчелы и бесѣдъ противъ женщины не имѣло никакого значенія въ народномъ быту», говоритъ г. Ровинскій: «народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его глупому разуму: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, значитъ и слѣдуетъ ему бабу достать, да семью завести, и не умерщвленіемъ плоти заниматься, а просто работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ—значитъ, нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе у составителя Пчелы не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ злобный отшельникъ далеко не прочь залучить въ свою келію «поваленаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Никто непосѣтуетъ на г. Ровинскаго за подробность нѣкоторыхъ объяснительныхъ статей, представляющихъ, по его словамъ, «кровный интересъ для исторіи народнаго обихода».

Отъ живыхъ перейдемъ къ мертвымъ, отъ интересовъ прошлаго къ утратамъ настоящаго.

Въ истекшемъ году 2-е Отдѣленіе лишилось четырехъ изъ своихъ членовъ-корреспондентовъ: съ 13 на 14 января скончался ординарный профессоръ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ Университетѣ, Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ (корреспондентъ Академіи съ 1878 года); 28-го января, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій (корреспондентъ Академіи съ 1877 года), 30 мая, Андрей Николаевичъ Поповъ (корреспондентъ Академіи съ 1878 г.), 29 сентября, Александръ Александровичъ Котляревскій (корреспондентъ Академіи съ 1875 г.).

Жизнь М. А. Колосова была жизнью труженика, добившагося извѣстнаго признанія путемъ лишеній и борьбы. Рожденный въ небогатой купеческой семьѣ, М. А. получилъ первоначальное образованіе въ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ Курской гимназіи, откуда былъ исключенъ за найденный у него дневникъ, въ которомъ былъ слишкомъ откровененъ о своемъ начальствѣ. Начались годы блужданій и невзгодъ среди стремленій къ одной цѣли: образованію, ради которой приходилось жить въ комнатѣ безъ мебели и постели, писать лежа, отправляться пѣшкомъ на мѣсто приходскаго учителя изъ Харькова въ Купянскъ, на $4^1/_2$ рублей жалованья въ мѣсяцъ. Таковъ былъ путь въ Университетъ, за которымъ открылись годы учительства и въ 1871 году каѳедра русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ—и возможность производительныхъ научныхъ работъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаютъ: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе» (1872 г.) и «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка»

(1878). Въ 1875—76 году Колосовъ былъ командированъ на средства Отдѣленія въ сѣверныя губерніи Россіи для наблюденій надъ сѣверно-русскими говорами; о результатахъ своей ученой поѣздки онъ сообщалъ своевременно, въ Отчетахъ нашего Отдѣленія, поспѣшившаго избрать его своимъ членомъ-корреспондентомъ въ 1878 г. Усиленная дѣятельность покойнаго по изданію Филологическаго Вѣстника, основаннаго имъ въ концѣ того-же года, пошатнула его всегда слабое здоровье. Онъ скончался въ Ялтѣ, отъ чахотки, на 42-мъ году, среди новыхъ ученыхъ плановъ, которымъ не суждено было осуществиться.

Спокойная оцѣнка литературной дѣятельности Достоевскаго принадлежитъ будущему — не потому, чтобы приговоры современниковъ не коснулись сущности его таланта, а потому, что въ современную оцѣнку обыкновенно привлекаются частности, которымъ злоба дня даетъ значеніе чего-то существеннаго, въ томъ или другомъ смыслѣ, но которымъ въ исторической перспективѣ надлежитъ исчезнуть. Противоположныя сужденія о Достоевскомъ, раздѣляющія нашу литературу, указываютъ на элементы этой временной существенности: писатель-романистъ не отдѣляется отъ публициста, и часто приговоръ надъ первымъ опредѣляется сочувствіемъ или несочувствіемъ второму.

Несомнѣнное дарованіе Достоевскаго, сказавшееся уже въ его Бѣдныхъ людяхъ и обратившее на него вниманіе Бѣлинскаго, ставитъ его въ разрядъ выдающихся дѣятелей нашей литературы. Кому неизвѣстна мощная сила его психологическаго анализа, анализа до мелочей, до страшныхъ болѣзненныхъ откровеній, среди которыхъ иная психическая черта, незримая для обыкновеннаго глаза, получала характеръ чего-то грандіознаго, наполнялось содержаніемъ человѣчности? Нужды нѣтъ, что этому анализу приносился нерѣдко въ жертву планъ романа, что типы являлись какъ-бы подобранными для анализа, изолированными въ его цѣляхъ, односторонними: это, по преимуществу, больные духомъ, бѣдные, униженные и оскорбленные, люди мертваго дома въ широкомъ смыслѣ этого слова. Впечатлѣнія каторги не вы-

звали, а лишь точнѣе опредѣлили этотъ выборъ, обусловленный и психическими условіями таланта и общественными теченіями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ впервые сложился. Раскрывая въ загнанныхъ отщепенцахъ прежде всего людей, братьевъ, слагая съ нихъ долю вины и осужденія, чтобы то и другое возложить на общество и внѣшнія условія жизни, Достоевскій органическимъ путемъ приходилъ къ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ соціальнаго характера. Такъ или иначе, онъ долженъ былъ осмыслить себѣ «страшную правду» своихъ разсказовъ, чего такъ страстно добивался отъ него Бѣлинскій. Уже Макаръ Дѣвушкинъ «вольнодумствуетъ» въ этомъ направленіи, хотя почти тотчасъ-же кается и бичуетъ себя за «ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ».

Частныхъ выводовъ общественнаго характера, къ которымъ неизбѣжно приводилъ психологическій анализъ, у Достоевскаго цѣлое богатство. Въ какой логической связи стоятъ эти выводы съ той широкой общественной программой, съ ея идеями смиренія и всечеловѣчности и т. д., съ которой Достоевскій выступилъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности — это, вѣроятно, рѣшатъ будущіе критики, если сумѣютъ отрѣшиться отъ поползновенія—видѣть во всемъ предыдущемъ лишь приготовленіе послѣдующаго, всюду открывая цѣльность одного и того-же медленно назрѣвавшаго міровоззрѣнія. Мы, по крайней мѣрѣ, не беремся помирить на этомъ вопросѣ поклонниковъ Мертваго дома — съ поклонниками Дневника и Пушкинской рѣчи, мирно сошедшихся въ невиданныхъ дотолѣ проводахъ, какія никогда еще не устраивала Русская земля своему писателю. Всякій хоронилъ *своего* Достоевскаго, но и тѣ и другіе сходились въ признаніи его — художникомъ психическаго анализа, великимъ знатокомъ сердца, преимущественно современнаго, наболѣвшаго сердца.

Достоевскій умеръ на 61 году; Андрею Николаевичу Попову, память котораго наше Отдѣленіе обязано занести въ свои лѣтописи, не было и 40 лѣтъ отъ роду, когда его скосилъ не-

дугъ, отчасти нажитый въ страстной, до надрыванія силъ, научной дѣятельности. Знакомому съ движеніемъ въ области разработки древне-русской письменности, извѣстны: его замѣчательный Обзоръ хронографовъ русской редакціи, его Описаніе рукописей и каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки А. П. Хлудова, его Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ; наконецъ его вклады въ «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древности», секретаремъ котораго онъ состоялъ съ 1877 года, и для котораго продолжалъ трудиться неустанно, когда силы уже измѣняли ему и каждая послѣдняя книга, готовившаяся имъ къ выпуску, представлялась ему «посмертной». Ученая репутація А. Н. шла въ разрѣзъ съ вопросами матеріальнаго обезпеченія: онъ умеръ — экстраординарнымъ профессоромъ Лазаревскаго института и существовалъ средствами, которыя доставляло ему его—Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. Энтузіастъ и аскетъ науки, онъ жилъ въ сторонѣ отъ того торнаго пути, по которому другіе срываютъ цвѣтки благоуспѣянія и благоустроенія; жался со своими любимыми книгами на окраинахъ Москвы, гдѣ жилось дешевле, и, когда случалось ему подвигаться ближе къ центру, шутя сравнивалъ свое кочеваніе съ возрастающей смѣлостью уѣзднаго мастероваго, который, богатѣя, становится все хвастливѣе на своихъ вывѣскахъ. Но вывѣска не измѣнялась; служеніе чистой наукѣ не окупается. Единственное наслѣдіе, завѣщанное А. Н. своей дочери, круглой сиротѣ — его собраніе рукописей (200 томовъ), недавно пріобрѣтенное Московскимъ Румянцовскимъ музеемъ, и нѣсколько ученыхъ работъ, между которыми, говорятъ, есть трудъ вполнѣ оконченный и готовый для печати.

Наконецъ — еще одна утрата, лишь недавно понесенная нашимъ Отдѣленіемъ: 29 сентября скончался въ Пизѣ профессоръ Кіевскаго университета А. А. Котляревскій, скончался отъ болѣзни, зачатки которой появились въ немъ въ 60-хъ годахъ. Даровитый и остроумный, библіоманъ и начетчикъ со студен-

ческой скамьи, ученикъ Бодянскаго и Буслаева, онъ представлялъ собою цѣльный научный типъ, опредѣленный преданіями пройденной школы и строемъ личной талантливости. Его Старина и Народность 1862 года показываетъ въ зародышѣ черты, которыя составляютъ достоинства его послѣдняго (пока неконченнаго въ печати) труда: «Древняя русская писменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія»; его извѣстныя изслѣдованія О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ и Древности юридическаго быта Славянъ — свидѣтельствуютъ о его живомъ интересѣ къ культурнымъ отношеніямъ Славянства, которымъ онъ посвящалъ и лекціи, читанныя имъ въ Кіевскомъ университетѣ.

Огромная начитанность въ литературѣ не только Славянской, но и Западной, обнаруживается уже въ его юношескихъ, почти студенческихъ трудахъ. Въ этомъ была его сила и его слабость. Вереницы ученыхъ мнѣній, выводовъ, системъ проходили передъ нимъ, копились вопросы и рѣшенія за и противъ; выборъ Котляревскаго отличался всегда осторожною трезвостью; но отсюда-же вырабатывалась особая осторожность, переходившая въ научный скепсисъ, болѣе и болѣе сказывавшійся на его лекціяхъ, и въ связи съ тѣмъ, быть можетъ, неохота чаще выступать изъ библіологіи въ область личнаго изслѣдованія. Съ другой стороны тоже обширное чтеніе привило покойному ту жилу сравненія своего съ чужимъ, при которой невозможны односторонніе увлеченія не только научными системами, но и народностью и славянскимъ вопросомъ. Начиная отъ студенческой скамьи до послѣднихъ лѣтъ университетской дѣятельности, на лекціяхъ, въ намекахъ библіологіи и въ письмахъ, писанныхъ не задолго до смерти — Котляревскій оставался все тѣмъ же отрицателемъ этой односторонности, ставшей у насъ девизомъ школы. Его отношеніе къ славянству, говорятъ его слушатели, были отношенія научной симпатіи и живаго интереса, далекаго отъ какихъ-либо политическихъ мечтаній. Приписывать покойному другія тенденціи значитъ говорить противъ живыхъ фактовъ.

Некрологи, которыми по неволѣ приходится закончить нашъ годичный отчетъ, наводятъ на соображенія далеко не радужнаго свойства. Изъ четырехъ смертей три, по крайней мѣрѣ, ненормально-раннія: труженики сходятъ со сцены въ чахоткѣ, иные не достигнувъ 40-лѣтняго возраста, другіе едва перейдя его, еще полные нравственныхъ и умственныхъ силъ. Въ этомъ есть доля случайности; но если-бъ причины такого явленія оказались въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ непроизводительной затратѣ силъ на борьбу съ жизнью, съ ея экономическими и другими отношеніями, борьбу, въ которой заживо хоронится половина человѣка, и лишь другая, искалеченная, добирается до цѣли: еслибъ все это оказалось вѣрнымъ хоть отчасти, намъ осталось-бы пожелать, чтобы исчезли наконецъ тѣ условія, которыя такъ безвременно коротаютъ жизнь «бѣдныхъ людей» русской мысли.